

КУЛЬТОВОЕ МЕСТО ЭПОХИ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ НА ГОРЕ КРУТАЯ В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ

© 2022 г. Н. С. Савельев*

Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, Уфа, Россия

*E-mail: sns_1971@mail.ru

Поступила в редакцию 01.05.2021 г.

После доработки 25.05.2021 г.

Принята к публикации 01.06.2021 г.

Публикуются два лепных сосуда, найденных в перевернутом виде и сфотографированных жителями г. Магнитогорск в скальном навесе около д. Салаватово Абзелиловского р-на Башкортостана. Находки происходят со склона горы Крутой, являющейся одной из передовых возвышенностей хребта Крыкты, на границе горно-лесной и горно-степной зон. Анализ сосудов свидетельствует об их принадлежности южной части населения иткульской культуры, на формирование керамических традиций которого значительное влияние оказало более восточное бархатовское население. Показано, что данная группа носителей иткульской культуры, освоившая озерные предгорья вдоль восточного склона Южного Урала до широты Магнитогорска, существовала в постоянном взаимодействии с кочевниками скифо-сарматского времени. Вероятно, оно проявлялось в формировании устойчивой системы брачных связей. Это привело к широкому распространению иткульской (и созданной по ее мотивам как своеобразной “лесостепной моды”) керамики в кочевнических погребениях. Также инкорпорированная часть лесостепного населения принесла в кочевническую среду культы и ритуалы, характерные для значительно более северных территорий. Типологически публикуемое культовое место сближается с иткульскими одноактными святилищами. На основе известных археологических и этнографических аналогий данный комплекс интерпретирован как захоронение материнского послета или как результат совершения какого-то иного постпогребального обряда. Находки датированы V в. до н.э. или рубежом V–IV вв. до н.э.

Ключевые слова: Южный Урал, горно-степная зона, ранние кочевники, иткульская культура, святилища.

DOI: 10.31857/S0869606322010172

Абсолютное большинство памятников кочевников Южного Урала скифо-сарматского времени представлено погребениями. Постепенно, благодаря проведению детального обследования территорий и значительным по объему раскопкам, источниковая база по кочевникам середины I тыс. до н.э. начала пополняться данными по стоянкам и поселениям, металлургическим комплексам, кратковременным убежищам, крупным культовым объектам, небольшим летовочным святилищам и т.д. Настоящая статья посвящена публикации культового места, которое может быть интерпретировано как захоронение материнского послета или как площадка совершения какого-то иного постпогребального обряда.

В 1986 г. жители г. Магнитогорск (Челябинская обл., РФ) А.Ш. Минигалеев и Е.А. Криставчук принесли в городской историко-краеведческий музей два древних сосуда, найденных ими во время отдыха в горах, в 35 км западнее города (рис. 1). Судя по рассказам находчиков, отражен-

ном в научном отчете сотрудника музея Г.И. Перегрюмовой, сосуды были найдены “в 15 км от оз. Банное в районе хребта Крыхтытау Салаватовской крехты на южном склоне горы “Крутой” (название условно)” (Перегрюмова, 1986; см. также: Старикова, 2013. С. 96)¹. В небольшой нише скалы один в другом стояли два сосуда — оба кверху дном. Важно, что находчики сфотографировали сосуды в нетронутым виде (рис. 2; 3) и только после этого вынули их из ниши. По словам Г.И. Стариковой, побывавшей тогда же на месте

¹ С данным отчетом меня в 2002 г. познакомил А.Д. Таиров (аффилиация в то время — Челябинский гос. университет) и передал для публикации фотоленку и оригиналы рисунков найденных сосудов. Позже, осенью 2006 г. я приехал в Магнитогорский музей, где познакомился с Г.И. Перегрюмовой (Стариковой), которая любезно показала мне сами сосуды и уточнила ряд моментов по обстоятельствам и месту находки. Искренне благодарю Г.И. Старикову и А.Д. Таирову за ознакомление меня с этим комплексом.

находки², ниша находится в небольшом скальном выступе на сильно залесенном склоне горы, с которого виден находящийся у ее подножья большой населенный пункт.

Отсутствие каких-либо четких привязок не позволяло все прошедшие годы взяться за публикацию этого комплекса. Только в августе 2019 г., во время работы экспедиции около д. Кусимово на оз. Банное, местные жители пояснили ряд ключевых моментов. Во-первых, каждый участок хребта Крыкты имеет у местного населения наименование по ближайшему населенному пункту, поэтому “Салаватовская крехта” — это участок хребта Крыкты, находящийся непосредственно напротив д. Салаватово Абзелиловского р-на Башкортостана (см. также: Гончарова, 2011. С. 35). Во-вторых, гора Крутая имеет и собственно башкирское название — Тикэтау, локализована она к 3 от д. Салаватово и является крайней восточной возвышенностью хребта Крыкты (рис. 4; 5), доминирующей над окружающей местностью³. На ее южном склоне находится глубокое ущелье с водопадом (рис. 4), а сам склон залесен. В-третьих, это место пользуется очень высокой популярностью у отдыхающих из Магнитогорска. Эти уточнения, вместе с информацией о том, что описываемое место находится “на северо-восток от г. Караташ” и “вниз по ручью 2 км и от ручья 150 м на север, на южном склоне г. Крутой”, сделанные карандашом на листах с прорисовкой сосудов (вероятно, Г.И. Стариковой в 1986 г.), позволяют со значительной точностью локализовать и описать место их находки.

Оно находится в 15 км к Ю от оз. Банное (Якты-Куль), в 6 км к СЗ от д. Салаватово и в 7 км к СВ от наивысшей вершины хребта Крыкты — горы Караташ (1118 мБС), на южном крутом склоне горы, имеющей на карте название Кандыбиль (858 мБС), где в узком ущелье начинается р. Могак (рис. 6). Общая длина этой реки — 23 км, она впадает в оз. Чебаркуль, расположенное уже на границе степи и предгорий. У местных жителей “Кандыбиль” (рус. *Кровавая седловина*) — это не только гора, но и водопад в ущелье, в котором также известны и пещеры (Гончарова, 2011. С. 31).

Горный массив Ирэндык-Крыкты является крайним восточным хребтом Уральской горной страны и на всем своем протяжении (около 350 км) отделен от остальной полосы гор межгорными

депрессиями (Россия..., 1914. Схема между С. 29 и 30; Савельев, 2011), далее к В от которого уже начинается полоса предгорий (рис. 1). Гора Кандыбиль — одна из крайних восточных возвышенностей хребта (рис. 4; 5). От ее подножья начинается горно-степная (лесостепная) зона шириной не более 10–15 км, изобилующая малыми водотоками и короткими меридиональными хребтиками, закрывающими эту территорию от открытой степи. Контраст данной территории проявляется в резкой смене ландшафтов — от ковыльных степей на востоке до огромных реликтовых лиственниц в полосе предгорий и темнохвойной тайги в горах и ущельях хребта Крыкты. И на этом фоне присутствует значительное количество археологических памятников, большинство из которых относится к эпохам камня и раннего железа (Котов, Савельев, 2007; Археологическая экспедиция..., 2020).

Высота горы Кандыбиль от восточного подножья — около 380 м. Место находки сосудов расположено примерно на 100–150 м ниже вершины горы и приурочено к левому борту ущелья, в котором протекает р. Могак и находится водопад (рис. 6). Ниша, в которой были найдены сосуды, фактически являлась уступом наклонной скалы. Судя по детальным фотографиям (рис. 2; 3), высота и глубина этой ниши не превышают 1 м, свод наклонный, нижняя плоскость скальная, без рыхлых отложений. Перевернутые и поставленные один в другой сосуды находились у задней стенки ниши. С боков они были ограничены крупными камнями, которые первоначально могли представлять собой вертикальные стенки. Фотографии находки *in situ* позволяют говорить о том, что преднамеренно была создана камера с размерами не более 50 × 50 × 50 см, по центру которой и были установлены сосуды. По данным, опубликованным Г.И. Стариковой, никаких других находок в нише не было (2013. С. 96). Впоследствии это место никогда археологами не посещалось и дополнительно не обследовалось.

Поставленные на ровную площадку скального уступа сосуды хорошо сохранились, их поверхности были покрыты отдельными пятнами лишайника. Частичное разрушение сосудов произошло уже после их установки в нише, из-за перепадов температуры и промерзания. Об этом свидетельствует крупная трещина, проходящая через все тулово наружного сосуда и найденные здесь же отпавшие фрагменты (рис. 2).

Сосуд № 1 широкогорлый, приземистый, имеет горизонтально-эллиптическую форму, приостренное дно и низкую раструбовидную шейку (рис. 7, 1). Толщина стенок 0.5–0.6 см, они немного утончаются в нижней части. Высота сосуда — 16, диаметр по венчику — 20, максимальный диаметр (в верхней части тулова) — 21.5 см. Орнамент состоит из мягких наклонных вдавлений по срезу

² В статье 2013 г. она указывает, что выемку сосудов проводил сотрудник музея (Старикова, 2013. С. 96). Сосуды хранятся в Магнитогорском историко-краеведческом музее, колл. № 5941/1 и 5941/2.

³ Местное название *Тикэтау* отсутствует в словаре топонимов хребта Крыкты (Гончарова, 2011. С. 149–175), однако, автор прямо указывает, что д. Салаватово находится “под горой *Осло* (островерхая)” (С. 27), что также может являться вариантом названия одной и той же горы (Крутая — Тикэтау — Ослоутау).

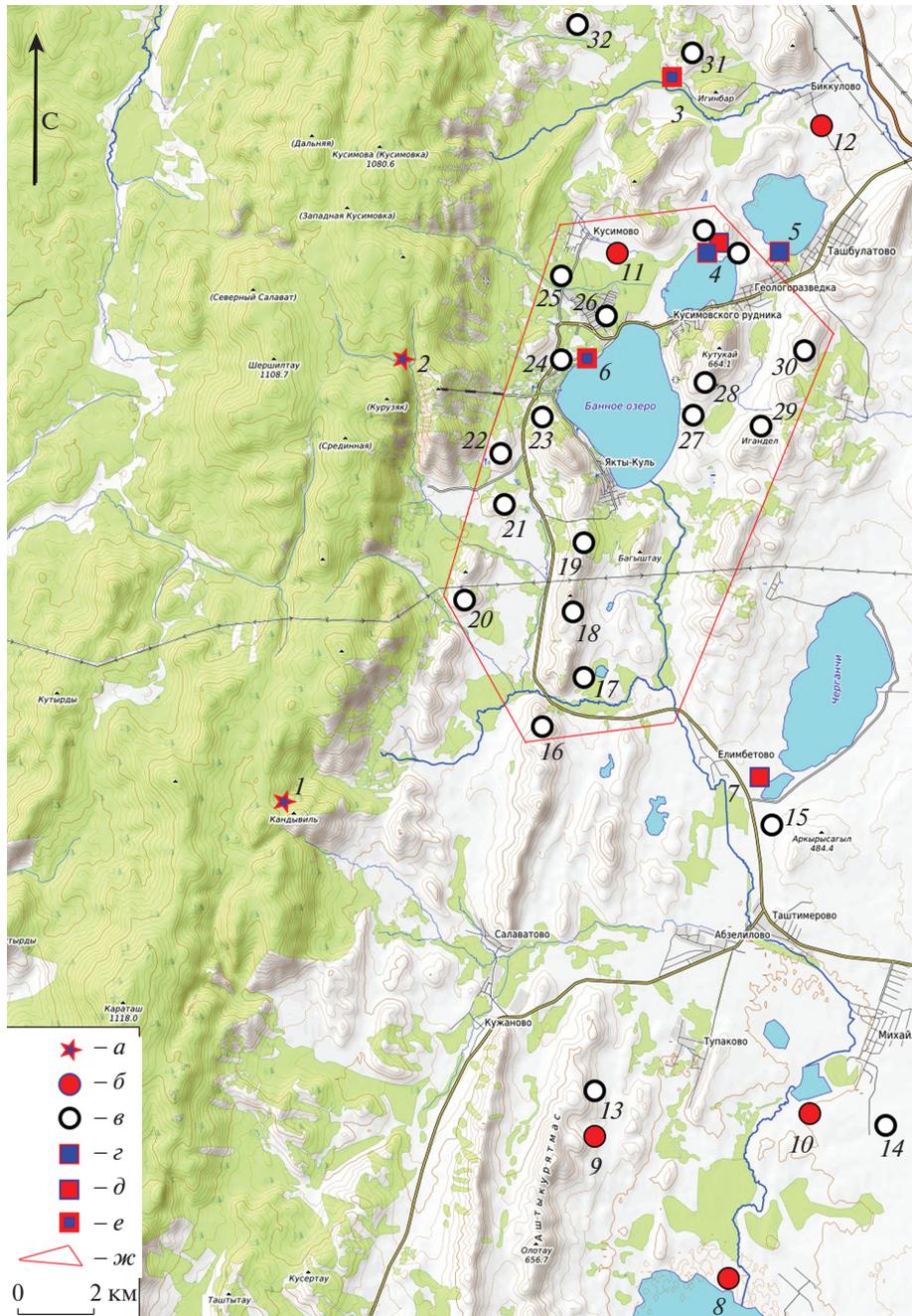

Рис. 1. Южный Урал. Восточные предгорья хребта Крыкты (участок Теляшево – Чебаркуль). Расположение культового места на горе Крутой и памятники середины I тыс. до н.э. (ОК – одиночные курганы; КМ – курганные могильники): 1 – гора Крутая (Тикэтай), культовое место; 2 – Курузак-2, святилище; 3 – Теляшево-4, поселение; 4 – Сабакты-3/5, комплекс памятников, Сабакты-12, ОК и Сабакты-15, КМ; 5 – Карабалыкты-10, стоянка; 6 – Банное-5а (Березки), поселение; 7 – Елимбетово-3, стоянка; 8 – Чебаркуль-7, ОК; 9 – Тупаково-2, ОК; 10 – Михайловка-2, КМ; 11 – Кусимово-3, КМ; 12 – Биккулово-2, КМ; 13 – Тупаково-1, ОК; 14 – Михайловка-3, ОК; 15 – Елимбетово-1, КМ; 16 – Каран-1, ОК; 17 – Хюлюктыкуль-1, ОК; 18 – Караньялык-1, ОК; 19 – Караньялык-2, ОК; 20 – Курузак-1, ОК; 21 – Ульсакай-2, ОК; 22 – Ульсакай-1, ОК; 23 – Банное-20, ОК; 24 – Яктыкуль-1, ОК; 25 – Кусимово-4, ОК; 26 – Зеленая Поляна, КМ; 27 – Банное-13, ОК; 28 – Кутукай-2, ОК; 29 – Игандол-2, ОК; 30 – Игандол-1, ОК; 31 – Теляшево-2, ОК; 32 – Теляшево-3, КМ. Основа: <https://www.opentopomap.ru/#map=11/53.4976/58.6890>. Условные обозначения: а – иткульские святилища; б – курганы ранних кочевников (исследованные); в – курганы ранних кочевников (известные по разведочным данным); г – поселенческие памятники с керамикой иткульской и/или гамаюнской культур; д – поселенческие памятники (стоянки?) с керамикой ранних кочевников (савроматское и раннесарматское время); е – поселенческие памятники, на которых присутствует керамика ранних кочевников, иткульской и/или гамаюнской культур; ж – граница территории плотного археологического обследования.

Fig. 1. Southern Urals. Eastern foothills of the Krykty ridge (Telyashevo–Chebarkul section). The location of the cult site on the Mount Krutaya and the sites of the middle of the 1st millennium BC

Рис. 2. Культовое место на горе Крутой (Тикэтау). Фото *in situ* (1986 г.).
Fig. 2. The cult site on the Mount Krutaya (Tiketau). Photo *in situ* (1986)

Рис. 3. Культовое место на горе Крутой (Тикэтау). Детализация. Фото *in situ* (1986 г.).
Fig. 3. The cult site on the Mount Krutaya (Tiketau). Detailing. Photo *in situ* (1986)

венчика, разреженного пояска одинарных крупных ямок по основанию шейки и резных штрихованных наклонными линиями треугольников, занимающих верхнюю половину тулова. Одна из треугольных фигур заполнена горизонтальными поясками наклонных насечек. Между ямками и висячими треугольниками расположен поясок наклонных вдавлений, сделанных торцом шпателя. На внутренней стороне сосуда жемчужины от ямок отсутствуют. Цвет сосуда серый, поверхности слоющиеся. Тесто комковатое, с примесью кусочков талька и крупного песка.

Сосуд № 2 широкогорлый, приземистый, круглодонный, имеет горизонтально-эллиптическую форму и низкую растробовидную шейку (рис. 7, 2). Толщина стенок 0.4–0.5 см, они немного утончаются в нижней части. Высота сосуда – 12, диаметр по венчику – 15.5–16, максимальный диаметр (в средней части тулова) – 16.7 см. Орнамент состоит из резных крестовидных фигур по срезу венчика, разреженного пояска одинарных крупных ямок по нижней части шейки и бордюра из двух рядов наклонных вдавлений по плечикам. Цвет, состояние поверхностей, фактура теста и примеси аналогичны таковым у сосуда № 1, также

Рис. 4. Восточный склон хребта Крыкты в окрестностях горы Крутой (Тикэтай). Вид с СВ. Фото автора, 2019 г.

Fig. 4. Eastern slope of the Krykty ridge in the vicinity of the Mount Krutaya (Tiketau). NE view. Photo by the author (2019)

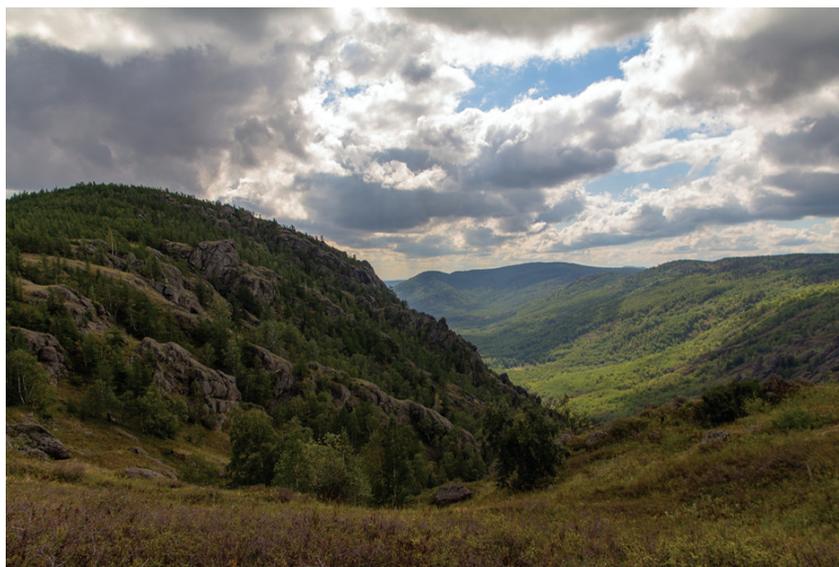

Рис. 5. Восточный склон хребта Крыкты, на заднем плане – гора Крутая (Тикэтай). Вид с С, с вершины горы Большой Караулташ. Источник: <https://commons.wikimedia.org>.

Fig. 5. Eastern slope of the Krykty ridge, the Mount Krutaya (Tiketau) is in the background. North view, from the top of the Mount Bolshoy Karaultash

на внутренней стороне отсутствуют и выдавленные жемчужины от ямок.

По форме и орнаменту сосуды могут быть отнесены к середине I тыс. до н.э. и связаны с так называемой керамикой первого типа зауральского горно-лесного и предгорно-лесостепного населения иткульской культуры (Бельтикова, 1977). Учитывая, что расстояние до южной границы иткульской культуры от места находки составляет порядка 200 км к С, а также достаточное своеобразие самой найденной посуды, необходимы прояснение причин их попадания в совершенно

иную ландшафтно-географическую зону, а также детализация данных об их культурной и хронологической принадлежности.

Существующие материалы по иткульско-гамаюньским древностям показывают, что принятое в литературе прохождение их южной границы по широте верхнего течения р. Миасс (Борзунов, 1992. Рис. 1; 2019. Рис. 1) должно быть скорректировано. В настоящее время зафиксировано наличие иткульских и гамаюньских памятников на двух более южных территориях – в горном течении р. Белая (Савельев, 2018. Рис. 1; Древности...,

Рис. 6. Южный склон горы Крутая (Тикэтай). Водопад на ручье Могак. Источник: <https://commons.wikimedia.org>.
Fig. 6. Southern slope of the Mount Krutaya (Tiketau). Waterfall on the Mogak stream

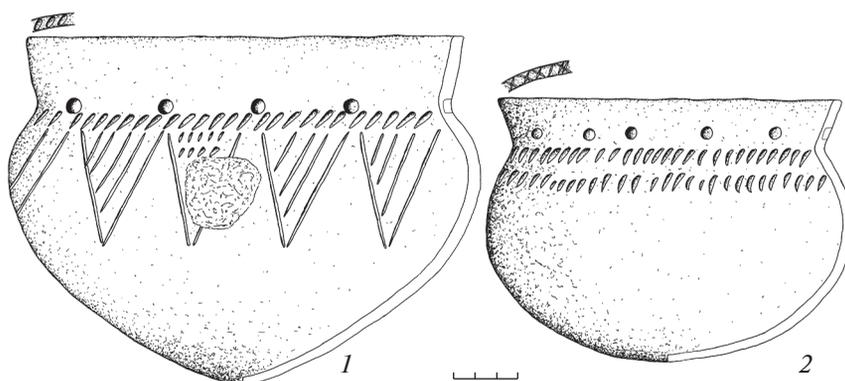

Рис. 7. Культурное место на горе Крутой (Тикэтай). Сосуды.
Fig. 7. The cult site on the Mount Krutaya (Tiketau). Vessels

2018. С. 51–55. Рис. 1.36) и по восточным предгорьям Урала до широты Магнитогорска (Савельев, 2017. С. 117, 119, 120. Рис. 1; 3), что увеличивает ранее описанный ареал на 350 км к ЮЗ и на 200 км к Ю. Сосуды с горы Крутой пока являются самыми южными из находок этого облика в Южном Зауралье. Возможно, что озерные предгорья горного массива Ирэндык-Крыкты, также, как и верхнее течение р. Белая, должны быть выделены в отдельные локальные варианты иткульско-гамаюнских древностей.

Особенностью южнозауральских иткульско-гамаюнских памятников является их тесное соседство с многочисленными синхронными памятниками ранних кочевников (рис. 1). Только в

микрорайоне Банное – Сабакты – Карабалыкты выявлено несколько десятков каменных курганов, которые по своим характерным признакам относятся к савромато-сарматскому времени (Котов, Савельев, 2007), а на некоторых поселениях встречается как “северная”, так и кочевническая керамика (Матюшин, 1982. Табл. 48; Савельев, 2014. Рис. 3, 7, 8; 2017. Рис. 3). Более того, для кочевнических погребений Южного Зауралья (в основном – предгорной полосы) V–IV вв. до н.э. присутствие иткульской, в том числе и с гамаюнскими чертами, керамики является распространенным явлением (Пшеничнюк, 1983. Табл. XXXVIII, 7, 8; Савельев, 2000. С. 23–33. Рис. 2–7). Эта особенность северо-восточной пе-

риферии мира кочевников Южного Урала неоднократно отмечалась исследователями (Мошкова, 1974. С. 35–38. Рис. 6, 10; Пшеничнюк, 1983. С. 84).

В орнаментации публикуемых сосудов принципиально важными элементами являются одинарный разреженный поясик из крупных округлых ямок, орнаментация плоского среза венчика насечками и вдавлениями и крупные резные треугольники по тулову. Важно, что ни один из этих элементов не характерен для собственно иткульской (первой группы) посуды, а на иткульско-гамаюнской (по В.А. Борзунову – исетской) керамике они встречаются в очень небольшом количестве. Из всего перечисленного на последней наиболее распространены поясники ямок (Бельтикова, 1977. Рис. 1, 1, 9; 2, 4, 12, 13; Борзунов, 1981. Рис. 2, 17; 2019. Рис. 2, 11, 14, 16, 22; Наумов, 2016. Рис. 56, 6, 11, 14; 93, 1, 3, 10; 121, 8; Савельев, 2017. Рис. 3, 8, 10, 11, 14, 15).

Поиск истоков одинарного разреженного поясика округлых ямок позволяет говорить о его инородности как для иткульской, так и для гамаюнской традиции, и связанности, в первую очередь, с орнаментикой бархатовской культуры лесостепного и подтаежного Притоболья рубежа эпох бронзы и раннего железа (Матвеев, Аношко, 2009. С. 252, 309, 332; Зимица, Зах, 2009. С. 160, 194. Табл. 1–5). Мнение о проникновении населения бархатовской культуры на восточный склон Урала, т.е. в верховья рек Исеть и Миасс, и их воздействии на позднее межовское и гамаюнское население высказывалось уже достаточно давно (Шорин, 1996. С. 21). Приводимая для подтверждения данного заключения керамика (поселения Березки II, V, Аргази XIII, Перевозный III) рассматривалась А.Ф. Шориным как смешанная межовско-сарматоидная, явившаяся основой для гафурийских или даже гафурийско-иткульских традиций (Петрин и др., 1993. С. 175), однако она несет в себе абсолютное большинство именно бархатовских черт (см., напр.: Бельтикова, 1988. Рис. 2). Эти же материалы, но проанализированные через призму степных аналогий, позволили автору говорить о том, что в основе кочевнического талькового (раннесарматского) керамического комплекса находился именно родственный иткульскому локальный позднемежовско-саргаринско-бархатовский микс, получивший наименование раннегафурийского (Савельев, 2000. С. 24–34; 2011. С. 16, 17). Для части этих памятников, но локализованных глубоко в горной зоне (Чеславское селище, Сикияз-Тамак, Грот Малый у омота), характерны преобладание декора в виде одинарного разреженного поясика округлых ямок и сосуществование его с резным геометрическим орнаментом (Алаева, 2011. Табл. 1. С. 263; Боталов, 2016. Рис. 6, 9, 20, 40).

Происхождение мотива заполненного насечками или штрихованного треугольного фестона на кочевнической керамике ранее также рассматривалось автором. Было показано, что резной фестончатый орнамент формируется на межовской основе в предгорной лесостепи северной части Южного Зауралья, распространяется на более поздней межовско-гафурийской керамике той же территории, впоследствии единично попадает в иткульскую орнаментуку, а в раннекочевнической керамике V–III вв. до н.э. становится достаточно широко представленным (Савельев, 2000. С. 28, 29). Появившиеся новые материалы позволяют скорректировать эти выводы в сторону снижения роли собственно межовских традиций в происхождении многих черт, перенесенных впоследствии на “раннесарматский тальковый комплекс” керамики. Это касается и мотива резного треугольного фестона, имеющего значительное распространение именно в орнаментике бархатовской культуры (Матвеев, Аношко, 2009. Рис. 21, 3; 22, 15; 34, 18; 61, 10; 67, 8–10 и др.). Важной особенностью бархатовских фестонов является их заполнение как насечками, в том числе и разнонаправленными, так и наклонными резными линиями, а также сочетание этих особенностей на одном сосуде (Матвеев, Аношко, 2009. Рис. 81, 4), как на первом сосуде с горы Крутой (рис. 7, 1). Очень близкие фестоны присутствуют и на так называемой межовско-гафурийской керамике поселения Остров Малый Вишневый на оз. Аргази (Бельтикова, 1988. Рис. 2, 6, 7, 15). Вместе с сетчатым орнаментом, наличием ямок, утолщенными шейками, орнаментацией среза венчика, абсолютным преобладанием резной техники орнаментации и т.д. это только подтверждает значительную роль бархатовского компонента в формировании истоков “раннесарматского талькового комплекса”.

Все эти признаки либо вообще не представлены на иткульских памятниках, либо представлены единичными включениями (Дюрягин, 2009. Рис. 8; Наумов, 2016. Рис. 37, 4). Их максимальная концентрация прослеживается на озерах верховьев р. Миасс, и в первую очередь, на оз. Аргази (Бельтикова, 1988; Петрин и др., 1993. С. 175, 184–186. Рис. 46; 72), т.е. в самой южной части распространения памятников зауральского лесостепного населения эпохи раннего железа. Учитывая, что именно эти черты становятся максимально представленными на кочевнической керамике V–III вв. до н.э., можно уверенно говорить, что в ее сложении определяющую роль сыграли традиции именно рассмотренных выше южных популяций лесостепного населения Зауралья. В первую очередь, это относится к так называемому раннегафурийскому локальному варианту, возникшему на этапе формирования иткульской культуры

под воздействием более восточного бархатовского населения.

Ближайшие известные находки керамики с орнаментами в виде резного штрихованного фестона и одинарного пояска ямок на памятниках лесостепного населения находятся в 10–15 км к С от горы Крутой. Из трех фрагментов керамики эпохи раннего железа со святилища Курузак-2 (рис. 1, 2) на одном присутствует треугольный резной фестон, на другом – одинарный поясок ямок и насечки по венчику, а третий несет в себе устойчивые гамаюнские черты (приостренный срез венчика и поясок из парных ямок, расположенных в шахматном порядке) (Савельев, 2017. Рис. 3, 14, 15, 17). Второй памятник – поселение Сабакты-3 на северном берегу одноименного озера (рис. 1, 4). На нем присутствовала гамаюнская керамика как с очень сложной, так и с обедненной орнаментацией, а также иткульские сосуды с гребенчатым орнаментом и пояском крупных круглых ямок (Савельев, 2017. Рис. 3, 1–12). Близость керамики этих трех памятников (гора Крутая, Курузак-2, Сабакты-3) свидетельствует о том, что население их было родственным.

Различие между формой обоих публикуемых сосудов заключается только в яйцевидной форме первого (рис. 7, 1). Этот широко распространенный в иткульской культуре признак, ввиду своей специфичности, является четко определяемым маркером присутствия иткульских черт на степной кочевнической керамике. Без детализации по орнаментам, чему была посвящена отдельная статья (Савельев, 2000), в степной зоне Южного Урала сейчас известно около десятка сосудов с характерной для иткульской культуры яйцевидной формой. Среди них сосуды из кург. 9 и кург. 17 Альмухаметово (Пшеничнюк, 1983. Табл. XXXV, 15; XXXVIII, 7, 8), курган у с. Наваринка (Гуцалов, Боталов, 2001. Рис. 6, 9), Гадельша III (Савельев, 2000. Рис. 5, 5), кург. 2 Валитово-2 (Исмагил, Сунгатов, 2013. Рис. 32, 35) и т.д. Все эти памятники вытянуты узкой полосой по восточным предгорьям Уральских гор. За этими пределами яйцевидные сосуды найдены в могильниках Кудуксай III в верховьях р. Ор, на западных склонах хребта Мугоджары (Гуцалов, 2004. Табл. 20, 19), Дэвкескен-4 на плато Устюрт (Ягодин, 1990. С. 61, 62. Рис. 13), а также Юкаликулево-2 и Кадырово-9 в островной Месягутовской лесостепи (Савельев, 2007. Рис. 3, 2; 14, 3). Расстояние между наиболее удаленными точками находок таких сосудов по линии С–Ю составляет около 1300 км, а ближайшие находки к горе Крутой находятся в 50–60 км к Ю и ЮВ (Альмухаметово, Наваринка).

Имеющиеся данные позволяют считать район озер Банное – Сабакты – Карабалыкты южным пределом распространения памятников лесостепного населения эпохи раннего железа по восточному склону Уральской горной страны.

Изучение коллекций стоянок эпохи камня с немного более южных озер предгорной полосы, исследованных Г.Н. Матюшиным в 1960–70-е годы⁴, показало полное отсутствие в них примеси материалов эпохи раннего железа и иных эпох, что повсеместно фиксируется на более северных памятниках. В то же время полоса предгорий и края гор к Ю от оз. Банное пока практически не обследована и, за исключением единичных выявленных курганов, там не известно ничего (рис. 1). Расширение разведочных работ в этой зоне с очень сложным рельефом позволит значительно детализировать картину, в том числе и в отношении различных памятников эпохи раннего железа (Котов, Савельев, 2007; Археологическая..., 2020). Таким образом, линия реального разграничения кочевников и лесостепного населения середины I тыс. до н.э. восточных предгорий Урала пока еще четко не установлена. Вероятно, сейчас можно говорить о том, что вся предгорная полоса (как минимум – от оз. Иртяш на севере Челябинской области до округи оз. Банное) являлась своеобразным фронтиром, где происходило взаимодействие населения совершенно разных культур и хозяйственных укладов.

О тесном взаимодействии кочевников с оседлым населением свидетельствует, в первую очередь, керамика, начинающая встречаться в курганах степной части региона еще савроматского времени, т.е. с V в. до н.э. Какие-либо иные материальные свидетельства данного взаимодействия, кроме керамики, в кочевнических памятниках отсутствуют. Это не позволяет говорить о миграции лесостепного населения на юг и включении его в состав кочевников, что привело к значительной трансформации материальной культуры последних. Данная гипотеза была высказана в конце 1960-х – начале 1970-х годов (Мошкова, 1974. С. 36, 37), на начальном этапе осмысления савромато-сарматских древностей восточных районов Урала; впоследствии она долгое время инерции использовалась для различных археологических и исторических построений.

Детальный анализ этой керамики показал ряд очень важных закономерностей, которые также не подтверждают миграционного характера ее появления (Савельев, 2000. С. 34–39). Во-первых, вся ранняя лесостепная керамика в кочевнических погребениях близка иткульской или упоминаемому в настоящей статье позднемежовско-саргаринско-бархатовскому миксу, называемому также раннегафурийским. Более того, в ряде памятников (Альмухаметово, Комсомольский V,

⁴ Проводилось изучение той части коллекций Г.Н. Матюшина, которая хранится в фондах Музея археологии и этнографии УФИЦ РАН.

Кичигино I и др.) погребения содержат иткульские сосуды с традиционной гребенчатой орнаментацией (Пшеничнюк, 1983. Табл. XXX, 5; XLV, 15; Таиров, 2019. С. 167, 197. Рис.). Во-вторых, четко прослеживается неравномерное распределение “лесостепной” керамики в кочевнических памятниках Южного Зауралья: единичность на юге (на фоне общего небольшого количества керамики в погребениях) и резкое нарастание ее к северу. То есть увеличение ее количества происходит по мере приближения к территориям проживания оседлого зауральского населения. В-третьих, показано, что только небольшая и самая ранняя часть встречающейся у кочевников “лесостепной” керамики может быть отнесена к собственно лесостепной. Вся она является иткульской и раннеафурийской. Абсолютное же большинство такой керамики — часто называемой “тальковым керамическим комплексом” — не имеет никакой близости ни к более ранним лесостепным формам, ни к более ранним лесостепным орнаментам. Эта керамика для IV в. до н.э. являлась своеобразной “лесостепной модой”, возникшей в среде кочевников при непосредственном участии (вероятно — в форме установившейся системы брачных контактов) лесостепного населения, быстро и широко распространившейся, и очень быстро, пройдя этап стандартизации и упрощения, практически полностью исчезнувшей к III–II вв. до н.э. (Савельев, 2000. С. 39; Краева, 2012. С. 402, 403). Нельзя также отрицать и того, что в формировании “лесостепной моды” значительную роль сыграло подражание импортным и металлическим сосудам, распространенное в кочевнической среде (Краева, 2019. С. 140, 142. Рис. 2, 1–8).

Приведенные данные позволяют четко определить культурную принадлежность сосудов, найденных на горе Крутой (специфическая южная разновидность керамики иткульской культуры), их датировку (судя по имеющимся аналогиям — V в. до н.э., возможно — его конец или рубеж V–IV вв. до н.э.), но о культурной принадлежности населения, их оставившего, так однозначно сказать нельзя. Это могло быть население самой иткульской культуры, поселенческие и культовые памятники которого известны в 10–15 км к С, в полосе края гор и предгорных озер. Это могли быть и кочевники — носители раннего этапа прохоровской культуры, в состав которых, вследствие тесных брачных связей, были инкорпорированы отдельные представители этой группы оседлого населения. В принципе, обе эти интерпретации связаны между собой, но каждая при этом имеет свою доказательную базу.

Кочевническая принадлежность культового места может подтверждаться значительным количеством курганов савромато-сарматского времени в полосе горной степи (рис. 1), доминировани-

ем в них именно тальковой (как собственно лесостепной, так и смешанной) керамики, а также фактами некоторого обособленного использования этой керамики в обрядовой сфере. В могильнике Селивановский II (15 км к ЮВ от горы Крутой, на берегу оз. Чебаркуль) на поверхности насыпи одного из курганов эпохи бронзы был помещен развал крупного сосуда воробьевского типа, после чего курган был перекрыт мощной вторичной досыпкой (Рафикова, Федоров, 2017. С. 146–148. Рис. 96, 126, 127). Территория распространения памятников воробьевского типа — Среднее Притоболье и Средняя Исеть, т.е. как минимум в 350–400 км к СВ. В небольшом количестве эта керамика встречается совместно с иткульской в горно-лесном Зауралье. Ситуация, близкая селивановской, зафиксирована и в кург. 3 могильника Альмухаметово: в насыпи земляного кургана, под которым отсутствовали погребения, найден круглодонный сосуд с примесью талка в тесте и орнаментом в виде треугольных фестонов, выполненных гребенчатым штампом (Пшеничнюк, 1983. С. 41. Табл. XXX, 5).

Если же мы обращаемся к более северным территориям предгорной полосы Южного Зауралья, Среднему Зауралью и собственно горной стране, то здесь известно большое количество святилищ на вершинах гор и каменных останцов, в том числе существовавших и в эпоху раннего железа. Их особенность — в долговременности использования одних и тех же природных доминант в культовых целях (Культовые..., 2004), т.е. в отличие от находок на горе Крутой они являются “открытыми” комплексами. Одним из немногих “чистых” иткульских святилищ подобного типа является Лысая гора на оз. Большой Теренкуль в 200 км к СВ от горы Крутой. Часть найденной на этом святилище керамики близка публикуемому сосуду с резным фестончатым орнаментом (Дюрягин, 2009. Рис. 8). Автор исследования делает вывод, что во время функционирования святилища сама Лысая гора являлась островом, а ритуалы, проводившиеся на ее вершине (в том числе и танцы), были связаны с плавкой металла; большинство же находок являлись культовыми приношениями (Дюрягин, 2009. С. 69).

Принципиальное отличие публикуемого комплекса с горы Крутой — в его одномоментности, археологической закрытости, т.е. одноактности совершения самого обряда. Такая же одноактность зафиксирована и в гроте Сухореченский в островной Красноуфимской лесостепи (300 км к С). Здесь, в гроте площадью 1,5 м² найдено 7 бронзовых птицевидных идолов, стоящих вдоль стен, и бронзовая зеркаловидная бляха, лежащая в центре (Культовые..., 2004. С. 328). Уединенность, небольшой размер ниши, малое количество и гомогенность находок, отсутствие следов накопления культурного слоя — по этим показа-

телям грот Сухореченский и гора Крутая очень близки. Вероятно, такие объекты в ареале распространения иткульской культуры имели значительное распространение, но большинство из них было найдено просто местными жителями и полные данные по их контексту отсутствуют.

Важно, что на территории проживания южноуральских кочевников подобные памятники не известны. Единственный внешне похожий объект эпохи раннего железа в степи Южного Урала — грот на горе Чека, в 110 км к ЮЮВ от горы Крутая (Петров, 2002. С. 126–131). Однако специфика находок (бронзовый черешковый наконечник стрелы, кусок кожаного изделия, несколько фрагментов костей животных, следы двух кострищ) не позволяет с полной уверенностью относить данный памятник к культовым объектам. Более он похож на кратковременное убежище, большое количество которых известно в горно-лесной зоне Южного Урала (Древности..., 2018). Все приведенные выше данные свидетельствуют о том, что не только по морфологии и орнаментике найденных сосудов, но и по самому типу памятника публикуемый комплекс с горы Крутой имеет исключительно иткульское (т.е. “зауральское горно-лесное”) происхождение.

Обращение к мотиву перевернутого сосуда показывает, что он связан со смертью, погребальной обрядностью и распространен практически повсеместно, с глубокой древности и вплоть до современности. Известны такие находки и в памятниках эпохи раннего железа Урала и Западной Сибири. Так, на краю наземной постройки на поселении Акаваз-1 (горное течение р. Белая, Южный Урал) найден поставленный вверх дном гамаюнский сосуд (Древности..., 2018. С. 141. Рис. 2.130). В кург. 4 могильника Шумаево I в Западном Оренбуржье в заполнении могильной ямы вплотную друг к другу стояли два крупных яйцевидных сосуда (Моргунова и др., 2003. С. 30, 31. Рис. 20, 2–4). Кург. 2 могильника Калачевка II в лесостепи Омского Прииртышья дал не менее интересную картину — в древнюю насыпь во второй половине — конце I тыс. до н.э. был впущен ритуальный комплекс, состоявший из ямы без каких-либо находок и двух крупных яйцевидных сосудов саргатской культуры, установленных вплотную друг к другу на ее краю (Могильников, 1968. С. 97, 98. Рис. 45).

М.А. Итина, специально анализировавшая находки перевернутых сосудов, пришла к выводу, что помимо каких-то ритуальных комплексов в погребениях, они встречаются и вне традиционных некрополей — на поселениях, в пределах дома (около входа или около очага) и даже вдали от человеческого жилья (Итина, 1979). Благодаря привлечению этнографического материала, в основном африканского, она посчитала возмож-

ным связать такие находки с погребениями новорожденных детей, для которых у ашанти даже существовал специальный термин — “горшковые дети”. В ряде случаев, связанных со специфичностью причин смерти, перевернутый горшок ставился и на могилу взрослого человека (Итина, 1979. С. 17). Многочисленны случаи использования перевернутых сосудов и у народов Урала и Сибири. К примеру, на современных хантыйских кладбищах существует практика вывешивания перевернутых ведер на шестах, окружающих сами наземные захоронения (Федорова, 2007. Рис. 5; 8). Принципиально важными являются данные из бурятской этнографии — после родов материнский послед прятался (захоранивался) либо в доме/юрте, либо в уединенном месте в горах. Часто для захоронения послета использовались берестяные туеса или глиняная посуда. Сам же послед воспринимался двойником или душой ребенка, место его погребения должно было охраняться, а место захоронения послета предка считалось сакральным центром общины (Обряды..., 2002. С. 57–74).

Совмещение всех этих данных позволяет считать, что перевернутые сосуды с горы Крутой появились вследствие проведения ритуальных действий, связанных со смертью и загробным миром. Назвать их местом погребения новорожденного ребенка нельзя, так как размеры внутреннего сосуда очень небольшие — его высота всего 12 см, а диаметр по венчику 15.5–16 см (рис. 7, 2). Возможно, это место захоронения материнского послета или же следы совершения какого-то иного одноактного постпогребального обряда.

Судя по имеющимся аналогиям глиняным сосудам, публикуемый комплекс с горы Крутой может быть датирован V в. до н.э. или рубежом V/IV вв. до н.э. Население, оставившее его, относилось к выдвинувшейся далеко на юг части носителей иткульской культуры, проживавшей на берегах предгорных озер, — территории, также освоенной и кочевниками. Возможно, учитывая значительное распространение у кочевников Южного Урала лесостепной керамики и возникших на ее основе подражаний, что это население уже было интегрировано в состав мира кочевников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алаева И.П.* Археологическая коллекция Златоустовского краеведческого музея // Гороховские чтения: материалы второй регион. музейной конф. Челябинск: Челябинский гос. краевед. музей, 2011. С. 261–265.
- Археологическая экспедиция Якты-Куль — Кусимово “Северные амуры”: научные исследования и Школьный лекторий. Уфа: Информреклама, 2020. 44 с.

- Бельтикова Г.В.* Иткульские поселения // *Вопросы археологии Урала. Вып. 14.* Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1977. С. 119–133.
- Бельтикова Г.В.* Памятник металлургии на острове Малый Вишневы // *Вопросы археологии Урала. Вып. 19.* Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1988. С. 103–117.
- Борзунов В.А.* Иткульско-гамаюнское городище *Красный Камень* // *Вопросы археологии Урала. Вып. 15.* Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1981. С. 112–118.
- Борзунов В.А.* Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 1992. 189 с.
- Борзунов В.А.* О культурной принадлежности иткульских и гамаюно-иткульских древностей Зауралья // *Российская археология.* 2019. № 3. С. 131–146.
- Боталов С.Г.* Историко-культурные горизонты раннего железного века и средневековья лесостепного Зауралья // *Археология Южного Урала. Лес, лесостепь. Ранний железный век и средневековье (проблемы культурогенеза)* / Ред. А.Д. Таиров и др. Челябинск: Рифей, 2016 (Этногенез уральских народов). С. 468–541.
- Гончарова Г.И.* Имя отчей земли. Топонимия Абзелиловского района. Уфа: Ин-т истории, языка и литературы Уфимского науч. центра РАН, 2011. 184 с.
- Гуцалов С.Ю.* Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. Уральск: Западно-Казахстанский областной центр истории и археологии, 2004. 136 с.
- Гуцалов С.Ю., Боталов С.Г.* Курганы прохоровской культуры в районе г. Магнитогорска // *Уфимский археологический вестник.* 2001. Вып. 3. С. 148–161.
- Древности Башкирского Урала* / Ред. Н.С. Савельев. Уфа: Информреклама, 2018. 216 с.
- Дюрягин В.С.* Святылище “Лысая гора” раннего железного века на оз. Большой Теренкуль в Чебаркульском районе Челябинской области // *Проблемы археологического изучения Южного Урала* / Отв. ред. Н.Б. Виноградов. Челябинск: Абрис, 2009. С. 46–71.
- Исмаил Р., Сунгатов Ф.А.* Памятники яицкой культуры последней четверти V – IV вв. до н.э. на Южном Урале. Уфа: Белая река, 2013. 223 с.
- Итина М.А.* Реконструкция некоторых первобытных обрядов методом аналогий // *Этнография и археология Средней Азии* / Ред. А.В. Виноградов. М.: Наука, 1979. С. 15–19.
- Котов В.Г., Савельев Н.С.* Разведочные работы на озерах Якты-Куль (Банное) и Сабакты в Башкирском Зауралье // *Археологические открытия 2005 г.* М.: Наука, 2007. С. 377–380.
- Краева Л.А.* Культурогенез ранних кочевников Южного Приуралья IV–I вв. до н.э. (по результатам технико-технологического анализа керамики) // *Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: материалы междунар. науч. конф. Кн. 2* / Ред. В.А. Алёшин и др. СПб.: ИИМК РАН: Периферия, 2012. С. 401–406.
- Краева Л.А.* Заимствования и подражания в гончарстве сарматских племен Южного Приуралья и Западного Казахстана // *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э.–V в. н.э.). V. Материалы X Междунар. науч. конф. “Проблемы сарматской археологии и истории”.* Симферополь: “Салта” ЛТД, 2019. С. 136–146.
- Культовые памятники горно-лесного Урала* / Отв. ред. В.Д. Викторова. Екатеринбург: Уральское отделение РАН, 2004. 431 с.
- Зимина О.Ю., Зах В.А.* Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск: Наука, 2009. 232 с.
- Матвеев А.В., Аношко О.М.* Зауралье после андроновцев: Бархатовская культура. Тюмень: Тюменский дом печати, 2009. 416 с.
- Мошкова М.Г.* Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.: Наука, 1974. 52 с.
- Матюшин Г.Н.* Энеолит Южного Урала. М.: Наука, 1982. 328 с.
- Могильников В.А.* Исследование курганной группы эпохи раннего железа Калачевка II // *Краткие сообщения Института археологии.* 1968. Вып. 114. С. 94–98.
- Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С.* Шумаевские курганы. Оренбург: Изд-во Оренбургского гос. пед. ун-та, 2003. 393 с.
- Наумов А.М.* Фортификация и планиграфия Иртышских городищ иткульской культуры // *Археология Южного Урала. Лес, лесостепь. Ранний железный век и средневековье (проблемы культурогенеза)* / Ред. А.Д. Таиров и др. Челябинск: Рифей, 2016 (Этногенез уральских народов). С. 188–318.
- Обряды в традиционной культуре бурят* / Отв. ред. Т.Д. Скрынникова. М.: Восточная литература, 2002. 222 с.
- Перекрымова Г.И.* Археологическая разведка в районе г. Магнитогорска в 1986 г. Научный отчет. Челябинск, 1986 // *Архив Лаборатории археологических исследований Челябинского государственного университета.* Р-1. № 89.
- Петрин В.Т., Нохрина Т.И., Шорин А.Ф.* Археологические памятники Арзанинского водохранилища (эпохи камня и бронзы). Новосибирск: Наука, 1993. 212 с.
- Петров Ф.Н.* Раскопки культовых памятников на массиве горы Чека // *Вестник Общества открытых исследований древности: научный альманах.* Вып. 2. Челябинск: Общество открытых исследований древности, 2002. С. 114–131.
- Пшеничнюк А.Х.* Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука, 1983. 200 с.
- Рафикова Я.В., Федоров В.К.* Курганы Южного Зауралья. Кн. 1. Учалинский и Абзелиловский районы Республики Башкортостан. Уфа: Китап, 2017. 244 с.
- Россия. Полное географическое описание нашего Отечества: Настольная и дорожная книга для русских людей. Т. 5. Урал и Приуралье* / Сост. Г.Н. Кирин и др. СПб.: А.Ф. Девриен, 1914. 669 с.
- Савельев Н.С.* Каменные курганы восточных предгорий Южного Урала и некоторые вопросы формирования прохоровской культуры // *Уфимский археологический вестник.* 2000. Вып. 2. С. 17–48.

- Савельев Н.С.* Месягутовская лесостепь в эпоху раннего железа. Уфа: Гилем, 2007. 260 с.
- Савельев Н.С.* На границе Европы и Азии: факторы геокультурного развития Южного Урала // Антропология башкир / Ред. Н.Х. Спицына и др. СПб.: Алетей, 2011. С. 11–24.
- Савельев Н.С.* Сарматизация лесостепи Южного Приуралья: предпосылки, основные этапы, характеристики, следствия // Уфимский археологический вестник. 2014. Вып. 14. С. 191–206.
- Савельев Н.С.* О южной границе лесных и лесостепных культур на Урале в I тыс. до н.э. // Поволжская археология. 2017. № 1 (19). С. 114–129.
- Савельев Н.С.* Памятники гамаюнской и курмантауской культур юго-западной оконечности Уральской горной страны // Уфимский археологический вестник. 2018. Вып. 18. С. 24–42.
- Старикова Г.И.* Археологическая коллекция Магнитогорского историко-краеведческого музея // Проблемы истории, филологии и культуры. № 3. 2013. С. 80–99.
- Таиров А.Д.* Южный Урал в эпоху ранних кочевников. Челябинск: Южно-Уральский гос. ун-т, 2019 (История Южного Урала; т. 3). 400 с.
- Федорова Е.Г.* Погребальный обряд: от настоящего к прошлому (несколько сюжетов из этнографии обских угров) // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности / Отв. ред. А.Я. Труфанов. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. С. 76–87.
- Шорин А.Ф.* О роли межовской культуры Среднего Зауралья в формировании уральских культур раннего железного века // Актуальные проблемы древней истории и археологии Южного Урала. Уфа: Восточный университет, 1996. С. 20–32.
- Ягодин В.Н.* Курганный могильник Дэвкескен-4 // Археология Приаралья. Вып. 4. Ташкент: Фан, 1990. С. 28–81.

A CULT SITE OF THE EARLY NOMADIC PERIOD ON THE MOUNT KRUTAYA IN THE SOUTHERN TRANS-URALS

Nikita S. Savelev^{a, #}

^a Ufa Federal Research Centre RAS, Ufa, Russia

[#]E-mail: sns_1971@mail.ru

The paper publishes two hand-made vessels found upside down and photographed by residents of the city of Magnitogorsk in a rock shelter near the village of Salavatovo, Abzelilovsky district of Bashkortostan. The finds come from the slope of the Mount Krutaya, which is one of the frontal elevations of the Krykty ridge, on the border of the mountain-forest and mountain-steppe zones. An analysis of the vessels testifies to their attribution to the southern population of the Itkul culture. The formation of their pottery traditions was significantly influenced by the Barkhatovo population occupying areas to the east. The study shows that this group of the Itkul culture bearers, who populated the lacustrine foothills along the eastern slope of the Southern Urals up to the latitude of modern Magnitogorsk, existed in constant interaction with nomads of the Scythian-Sarmatian period. Probably, this circumstance manifested itself in the formation of a stable system of marriage ties. This led to the widespread use of Itkul pottery (and those based on it as a kind of “forest-steppe fashion”) in nomadic burials. Besides, the incorporated part of the forest-steppe population brought to the nomadic environment the cults and rituals characteristic of much more northern territories. In terms of its typology, the published cult site approaches the Itkul single-act sanctuaries. Based on known archaeological and ethnographic analogies, this complex is interpreted as a burial of the maternal placenta or as a result of some other post-burial ritual. The finds are dated to the 5th century BC or to the turn of the 5th–4th centuries BC.

Keywords: Southern Ural, mountain-steppe zone, early nomads, Itkul culture, sanctuaries.

REFERENCES

- Alaeva I.P.*, 2011. Archaeological collection of the Zlatoust Museum of Local Lore. Gorokhovskie chteniya: materialy vtoroy regional'noy muzeynoy konferentsii [Gorokhov readings: Proceedings of the Second regional museum conference]. Chelyabinsk: Chelyabinskiy gosudarstvennyy kraevedcheskiy muzey, pp. 261–265. (In Russ.)
- Arkheologicheskaya ekspeditsiya Yakty-Kul'–Kusimovo “Severnnye amury”: nauchnye issledovaniya i Shkol'nyy lektoriy [The archaeological expedition Yakty-Kul'–Kusimovo “Northern Amurs”: Research work and the course of lectures for school students]. Ufa: Inform-reklama, 2020. 44 p.
- Bel'tikova G.V.*, 1977. Itkul settlements. Voprosy arkheologii Urala [Issues of Ural archaeology], 14. Arkheologicheskie issledovaniya na Urale i v Zapadnoy Sibiri [Archaeological research in the Urals and Western Siberia]. Sverdlovsk: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet, pp. 119–133. (In Russ.)
- Bel'tikova G.V.*, 1988. A site of metal production on Maly Vishnevyy island. Voprosy arkheologii Urala [Issues of Ural archaeology], 19. Material'naya kul'tura drevnego naseleniya Urala i Zapadnoy Sibiri [Material culture of the early population of the Urals and Western Siberia]. Sverdlovsk: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet, pp. 103–117. (In Russ.)

- Borzunov V.A.*, 1981. The Itkul-Gamayun fortified settlement of Krasny Kamen. *Voprosy arkheologii Urala* [Issues of Ural archaeology], 15. Sverdlovsk: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet, pp. 112–118. (In Russ.)
- Borzunov V.A.*, 1992. Zaural'e na rubezhe bronzovogo i zheleznogo vekov (gamayunskaya kul'tura) [Trans-Urals at the turn of the Bronze and Iron Ages (Gamayun culture)]. Ekaterinburg: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet. 189 p.
- Borzunov V.A.*, 2019. On the cultural attribution of the Itkul and Gamayun-Itkul antiquities of the Trans-Urals. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology], 3, pp. 131–146. (In Russ.)
- Botalov S.G.*, 2016. Historical and cultural horizons of the Early Iron Age and the Middle Ages of the forest-steppe Trans-Urals. *Arkheologiya Yuzhnogo Urala. Les, lesostep'. Ranniy zheleznyy vek i srednevekov'e (problemy kul'turogeneza)* [Archaeology of the Southern Urals. Forest, forest-steppe. The early Iron Age and the Middle Ages (problems of cultural genesis)]. A.D. Tairov, ed. Chelyabinsk: Rifey, pp. 468–541. (Etnogenez ural'skikh narodov). (In Russ.)
- Drevnosti Bashkirskogo Urala [Antiquities of the Bashkir Urals]. N.S. Savel'ev, ed. Ufa: Informreklama, 2018. 216 p.
- Dyuryagin V.S.*, 2009. The Lysaya Gora sanctuary of the early Iron Age on lake Bolshoi Terenkul in Chebarkul district of Chelyabinsk Region. *Problemy arkheologicheskogo izucheniya Yuzhnogo Urala* [Problems of archaeological study of the Southern Urals]. N.B. Vinogradov, ed. Chelyabinsk: Abris, pp. 46–71. (In Russ.)
- Fedorova E.G.*, 2007. Funeral rite: from the present to the past (several scenes from the ethnography of the Ob Ugrians). *Mif, obryad i ritual'nyy predmet v drevnosti* [Myth, rite and ritual object in antiquity]. A.Ya. Trufanov, ed. Ekaterinburg; Surgut: Magellan, pp. 76–87. (In Russ.)
- Goncharova G.I.*, 2011. Imya otchey zemli. Toponimiya Abzelilovskogo rayona [The name of the fatherland. Toponymy of Abzelilovsky district]. Ufa: Institut istorii, yazyka i literatury Ufimskogo nauchnogo tsentra RAN. 184 p.
- Gutsalov S.Yu.*, 2004. Drevnie kochevniki Yuzhnogo Priural'ya VII–I vv. do n.e. [Ancient nomads of the Southern Urals of the 7th–1st centuries BC]. Ural'sk: Zapadno-Kazakhstanskiy oblastnoy tsentr istorii i arkheologii. 136 p.
- Gutsalov S.Yu., Botalov S.G.*, 2001. Mounds of the Prokhorovo culture in the vicinity of Magnitogorsk. *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik* [Ufa archaeological bulletin], 3, pp. 148–161. (In Russ.)
- Ismagil R., Sungatov F.A.*, 2013. Pamyatniki yaitskoy kul'tury posledney chetverti V – IV vv. do n.e. na Yuzhnom Urale [Sites of the Yaik culture of the last quarter of the 5th–4th century BC in the Southern Urals]. Ufa: Belaya reka. 223 p.
- Iitina M.A.*, 1979. Reconstruction of prehistoric rituals by means of analogy. *Etnografiya i arkheologiya Sredney Azii* [Ethnography and archaeology of Central Asia]. A.V. Vinogradov, ed. Moscow: Nauka, pp. 15–19. (In Russ.)
- Kotov V.G., Savel'ev N.S.*, 2007. Surveys on lakes Yakty-Kul (Bannoye) and Sabakty in the Bashkir Trans-Urals. *Arkheologicheskie otkrytiya 2005 g.* [Archaeological discoveries of 2005]. Moscow: Nauka, pp. 377–380. (In Russ.)
- Kraeva L.A.*, 2012. Cultural genesis of the early South Ural nomads of the 4th–1st centuries BC (based on the results of technical and technological pottery analysis). *Kul'tury stepnoy Evrazii i ikh vzaimodeystvie s drevnimi tsivilizatsiyami: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Cultures of steppe Eurasia and their interaction with ancient civilizations: Proceedings of the International scientific conference], 2. V.A. Alekshin, ed. St. Petersburg: IIMK RAN: Periferiya, pp. 401–406. (In Russ.)
- Kul'tovye pamyatniki gorno-lesnogo Urala [Cult sites of the mountain-forest Urals]. V.D. Viktorova, ed. Ekaterinburg: Ural'skoe otdelenie RAN, 2004. 431 p.
- Matveev A.V., Anoshko O.M.*, 2009. Zaural'e posle andronovtsev: Barkhatovskaya kul'tura [Trans-Urals after the Andronovo population: Barkhatovo culture]. Tyumen': Tyumenskiy dom pechati. 416 p.
- Matyushin G.N.*, 1982. Eneolit Yuzhnogo Urala [The Eneolithic of the Southern Urals]. Moscow: Nauka. 328 p.
- Mogil'nikov V.A.*, 1968. Study of the Early Iron Age mound group of Kalachevka II. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 114, pp. 94–98. (In Russ.)
- Morgunova N.L., Gol'eva A.A., Kraeva L.A., Meshcheryakov D.V., Turetskiy M.A., Khalyapin M.V., Khokhlova O.S.*, 2003. Shumaevskie kurgany [Shumaevo burial mounds]. Orenburg: Izdatel'stvo Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 393 p.
- Moshkova M.G.*, 1974. Proiskhozhdenie rannesarmatskoy (prokhorovskoy) kul'tury [The origin of the early Sarmatian (Prokhorovo) culture]. Moscow: Nauka. 52 p.
- Naumov A.M.*, 2016. Fortification and planigraphy of the Irtyash fortified settlements of the Itkul culture. *Arkheologiya Yuzhnogo Urala. Les, lesostep'. Ranniy zheleznyy vek i srednevekov'e (problemy kul'turogeneza)* [Archaeology of the Southern Urals. Forest, forest-steppe. The early Iron Age and the Middle Ages (problems of cultural genesis)]. A.D. Tairov, ed. Chelyabinsk: Rifey, pp. 188–318. (Etnogenez ural'skikh narodov). (In Russ.)
- Obryady v traditsionnoy kul'ture buryat [Rituals in the traditional culture of Buryats]. T.D. Skrynnikova, ed. Moscow: Vostochnaya literatura, 2002. 222 p.
- Peregryumova G.I.*, 1986. *Arkheologicheskaya razvedka v rayone g. Magnitogorska v 1986 g.* Nauchnyy otchet [Survey in the area of Magnitogorsk in 1986. Scientific report]. Arkhiv Laboratorii arkheologicheskikh issledovaniy Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Archive of the Laboratory of Archaeological Research at Chelyabinsk State University], R-I, № 89.
- Petrin V.T., Nokhrina T.I., Shorin A.F.*, 1993. *Arkheologicheskie pamyatniki Argazinskogo vodokhranilishcha (epokhi kamnya i bronzy)* [Archaeological sites of the Argazi reservoir (the Stone and Bronze Ages)]. Novosibirsk: Nauka. 212 p.
- Petrov F.N.*, 2002. Excavation of cult sites on the Cheka mountain group. *Vestnik Obshchestva otkrytykh issledovaniy drevnosti: nauchnyy al'manakh* [Bulletin of the Society for Open Antiquity Research: scientific alma-

- nac], 2. Chelyabinsk: Obshchestvo otkrytykh issledovaniy drevnosti, pp. 114–131. (In Russ.)
- Pshenichnyuk A.Kh.*, 1983. Kul'tura rannikh kochevnikov Yuzhnogo Urala [The culture of the early nomads of the Southern Urals]. Moscow: Nauka. 200 p.
- Rafikova Ya.V., Fedorov V.K.*, 2017. Kurgany Yuzhnogo Zaural'ya [Burial mounds of the Southern Trans-Urals], 1. Uchalinskiy i Abzelilovskiy rayony Respubliki Bashkortostan [Uchaly and Abzelilovsky districts of the Republic of Bashkortostan]. Ufa: Kitap. 244 p.
- Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva: Nastol'naya i dorozhnaya kniga dlya russkikh lyudey [Russia. Complete geographical description of our Fatherland: Handbook and road book for Russian people], 5. Ural i Priural'e [The Urals and Cis-Urals]. G.N. Kirilin, comp. St. Petersburg: A.F. Devrien, 1914. 669 p.
- Savelev N.S.*, 2000. Stone burial mounds of the eastern foothills of the Southern Urals and some issues of the Prokhorovo culture formation. *Ufimskiy arkhеologicheskiy vestnik* [Ufa archaeological herald], 2, pp. 17–48. (In Russ.)
- Savelev N.S.*, 2007. Mesyagutovskaya lesostep' v epokhu rannego zheleza [The Mesyagutovo forest-steppe in the Early Iron Age]. Ufa: Gilem. 260 p.
- Savelev N.S.*, 2011. On the border of Europe and Asia: factors of geocultural development of the Southern Urals. *Antropologiya bashkir* [Anthropology of the Bashkirs]. N.Kh. Spitsyna, ed. St. Petersburg: Aletеyya, pp. 11–24. (In Russ.)
- Savelev N.S.*, 2014. Sarmatization of the South Ural forest-steppe: prerequisites, main stages, characteristics, consequences. *Ufimskiy arkhеologicheskiy vestnik* [Ufa archaeological herald], 14, pp. 191–206. (In Russ.)
- Savelev N.S.*, 2017. On the southern border of forest and forest-steppe cultures in the Urals in the 1st millennium BC. *Povolzhskaya arkhеologiya* [The Volga River region archaeology], 1 (19), pp. 114–129. (In Russ.)
- Savelev N.S.*, 2018. Sites of the Gamayun and Kurmantau cultures of the southwestern extremity of the Ural mountain region. *Ufimskiy arkhеologicheskiy vestnik* [Ufa archaeological herald], 18, pp. 24–42. (In Russ.)
- Shorin A.F.*, 1996. On the role of the Mezhovka culture of the Middle Trans-Urals in the formation of Uralic cultures of the Early Iron Age. *Aktual'nye problemy drevney istorii i arkhеologii Yuzhnogo Urala* [Topical issues of early history and archaeology of the Southern Urals]. Ufa: Vostochnyy universitet, pp. 20–32. (In Russ.)
- Starikova G.I.*, 2013. Archaeological collection of the Magnitogorsk Museum of History and Local Lore. *Problemy istorii, filologii i kul'tury* [Journal of historical, philological and cultural studies], 3, pp. 80–99. (In Russ.)
- Tairov A.D.*, 2019. Yuzhnyy Ural v epokhu rannikh kochevnikov [The Southern Urals in the age of early nomads]. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skiy gosudarstvennyy universitet. 400 p. (Istoriya Yuzhnogo Urala, 3).
- Yagodin V.N.*, 1990. The mound cemetery of Devkesken-4. *Arkhеologiya Priaral'ya* [Archaeology of the Aral Sea region], 4. Tashkent: Fan, pp. 28–81. (In Russ.)
- Zimina O.Yu., Zakh V.A.*, 2009. Nizhnee Pritobol'e na rubezhe bronzovogo i zheleznogo vekov [The Lower Tobol River region at the turn of the Bronze and Iron Ages]. Novosibirsk: Nauka. 232 p.